

Бондарева Виктория Викторовна

ПОЛИТИКА ИРРЕДЕНТИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ БОЛГАРСКОГО КНЯЖЕСТВА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX - НАЧАЛЕ XX В.

Статья посвящена исследованию проблемы болгарского ирредентизма в последней четверти XIX - начале XX в., рассматриваемого в ракурсе государственно-церковной синергии. В работе выявляется историческая сущность болгарского национального вопроса, анализируются его роль и место в болгарской национальной политике. В процессе научно-исследовательского анализа автор вскрывает структуру, формы и механизмы болгарского ирредентизма и формирует его дефиниционный порядок.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 43-46. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(41/99)

Исторические науки и археология

Статья посвящена исследованию проблемы болгарского ирредентизма в последней четверти XIX – начале XX в., рассматриваемого в ракурсе государственно-церковной синергии. В работе выявляется историческая сущность болгарского национального вопроса, анализируются его роль и место в болгарской национальной политике. В процессе научно-исследовательского анализа автор вскрывает структуру, формы и механизмы болгарского ирредентизма и формирует его дефиниционный порядок.

Ключевые слова и фразы: ирредентизм; болгарский национальный вопрос; Болгарское Княжество; Болгарский Экзархат; болгарское духовенство; идея Великой Сан-Стефанской (Целокупной) Болгарии; Кресненско-Разложское восстание.

Бондарева Виктория Викторовна, к.и.н.

*Кубанский государственный технологический университет
tsigrini@mail.ru*

**ПОЛИТИКА ИРРЕДЕНТИЗМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ БОЛГАРСКОГО КНЯЖЕСТВА
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX – НАЧАЛЕ XX В. ©**

Как отмечают исследователи, среди наиболее разрабатываемых в болгарской историографии тем по новой болгарской истории выступает проблема «болгарского национального вопроса», охватывающая широкий круг проблем, в центре которых находится идея завершения духовно-политического освобождения и объединения сформировавшейся в эпоху Возрождения болгарской нации [13, с. 134]. Вплоть до начала Первой мировой войны в болгарской общественно-политической среде доминировала точка зрения, что единство болгарской нации немыслимо без государственно-территориального единства [Там же]. Важнейшим фактором в национально-образовательных и национально-консолидационных процессах выступала Болгарская православная церковь, ведь именно в ходе движения за самостоятельную болгарскую церковь в XIX в. сформировалась и окрепла болгарская нация, фирман об учреждении которой очертил этнические границы православной болгарской общности [4]. После 1878 г. Экзархат продолжал оставаться легальной организацией болгар, оставшихся в пределах Османской Турции, представляя их интересы перед правительством султана и внешним миром.

Данный факт является ключевым звеном проблемы, связанной с выявлением специфической природы болгарского ирредентизма, во многом основанного на религиозном факторе, активно организовывавшим в последней четверти XIX – начале XX в. социально-политическое пространство болгар (и не только турецких). Специфический контур болгарских национально-консолидационных процессов еще более усиливается, если сделать акцент на специфике самой хронологии происходившего, а именно на XIX столетии как «эпохе постэнтэровского развития», когда роль религии на макроуровне перестала быть ведущей, определяющей в сфере культурных и политических отношений. В болгарской же исторической практике мы наблюдаем обратное, а именно – активацию социально-политических ролей Экзархата, связанных не только с его чисто традиционными, культурно-организующими и культурно-направляющими функциями, но еще и с национальными качествами, актуализированными Османским владычеством, а позднее и решениями Берлинского конгресса европейских держав (1878 г.), существенно перекроившими карту Сан-Стефанской Болгарии [3].

В центре болгарского ирредентизма находилась, прежде всего, Македония, обозначенная в докладе министра иностранных дел и исповеданий К. Стоилова к князю Александру I Баттенбергу (17 декабря 1882 г.) в качестве «Архимедова пункта» не только болгарской национальной практики, но и всего Восточного вопроса. Помимо Болгарии к «прекрасным и столь богатым от природы» [9, с. 728] македонским землям были устремлены интересы Австрии (северная часть), Греции (южная часть) и Сербии (центральная и восточная часть), развернувших здесь свою религиозную пропаганду и просветительскую деятельность [1; 2]¹. Этнический анализ Македонии являет собой сложнейшую проблему и не выступает целью настоящей работы, ограниченной в своем объеме и посвященной собственно самому механизму болгарского ирредентизма. Однако следует заметить, что чешский историк К. И. Иречек, состоявший на службе у молодого Болгарского государства, автор ряда трудов по истории Балкан, характеризовал болгар как «мирный и трудолюбивый народ», уступавший сербам, грекам, албанцам и румынам в воинственности и национальной гордости и, напротив, превосходивший всех своих соседей в промышленном и земледельческом смысле. «Можно встретить города и села, – пишет К. И. Иречек, – жители которых исключительно занимаются ремеслами – суконным, кожевническим, горшечным, ножевым, стекольным, производством розового масла, каменной и плотничьей работой. Из всех местностей от Костура до Варны тысячи людей ежегодно отправляются на заработки в Сербию, Румынию и Константинополь, а осенью с деньгами возвращаются домой» [9, с. 727-728]. По мнению К. И. Иречека, бедой этого трудолюбивого народа, необыкновенно способного к ассоциации и

© Бондарева В. В., 2014

¹ Конкуренцию болгарам в ирредентизме составляли также румыны, присутствовавшие в Македонии, однако сферой их притяжения была, главным образом, Добруджа, входившая наряду с Фракией и Македонией в предел Сан-Стефанской Болгарии.

автономии, являлось турецкое правительство, которому явно не доставало гуманизма и разумности. Последнее особенно важно, поскольку софийское правительство в своих ирредентистских устремлениях, помимо пафоса национальной идеи, апеллировало также и к бедственному положению турецких болгар, угнетенных османами, терпевших «беспочвенные притеснения и неправды» [6, с. 146] и глубоко надевавшихся на помощь Болгарского княжества. Последнее, по мнению министра К. Стоилова, в духе ирредентизма выступавшее «самым естественным¹ выразителем и успешно-деятельным покровителем» Македонии, должно было исполнить для македонских братьев-болгар ту роль, которую некогда сыграл Пьемонт для итальянской народности [Там же]. Первостепенной задачей болгарских политиков являлось стремление развить у болгарского населения Македонии чувство народного самосознания, исполненного гордостью болгарской крови и уверенного в том, что в Софии заботятся не только об их настоящем, но и об их будущем [5; 6, с. 146]. Однако данная забота со стороны Софии носила несколько узконаправленный характер, поскольку политики Княжества от посылаемых в Македонию учителей требовали не столько учить молодое поколение, сколько воспитывать в нем патриотический дух; укоренять как у воспитанников, так и у целого населения идею о том, что «державный господарь всего болгарского народа» есть возобновитель престола древнеболгарских царей, которому суждено осуществить великое единство всего болгарского народа [6, с. 148]. Получается, что в философско-историческом смысле идеальное (категория «сознания») должно было обуславливать материальное («геополитическое пространство»), а не наоборот, как это имело место в ряде исторических случаев завоевательной политики стран и народов. Качество соотношения «идеального» и «материального», категорий «сознания» и «геополитического пространства» и составляет структуру механизма болгарского ирредентизма. В силу этого представляется необходимым обратить внимание на основной рычаг консолидационных процессов – Экзархат, на который и была возложена правительством задача формирования болгарского самосознания через церковно-просветительскую деятельность. Учитывая временной контекст, обозначенный выше, актуализация его национально-политических ролей может объясняться и объясняется, что справедливо, полусуверенным статусом Болгарского княжества, ограниченного в своих методах воздействия на Македонию. Однако приоритет задач ирредентизма вскрывает не только компенсирующую, но и чисто аксиологическую (ценностно-ориентационную) функцию Экзархата, в принципе уже не свойственную до такой степени западноевропейскому миру. Доказательством тому служит дальнейшая история самой Болгарии, ставшей в начале XX столетия Царством и избавившейся от турецкой вассальной зависимости, но продолжавшей активировать политические и социальные функции Экзархийской церкви, сопряженные с идеей национализма, вплоть до середины XX в. Принимая во внимание возможность глубокого аксиологизма церкви, следует весьма осторожно относить к ней понятие «instrumentum regni»², поскольку в обозначенной практике ирредентизма оно может оказаться достаточно относительным, хотя и вполне применимым. В плане же проблемы своей автономности Экзархат в русле ирредентизма оказывался все более подконтрольным софийскому правительству, которое требовало от него ежегодных подробнейших отчетов о проведенной церковно-просветительской деятельности с прилагаемой статьей как необходимых в будущем, так и уже расходованных средств [Там же, с. 149] («экзархийское право»³). С другой стороны, задачей болгарского ирредентизма правительство усиливало единоличные, в противовес соборным, тенденции в организации церкви, возлагая управление и надзор училищного дела непосредственно на экзарха Иосифа I, что, несомненно, было выгодно последнему. Ирредентизм предполагал также и прямое институциональное сопряжение церкви с государственным аппаратом: так, например, в состав македонского учебного Попечительства наряду с экзархом Иосифом I⁴ должны были входить светские чиновники Софии (*Агенты Его Княжеского Высочества*), а также один из синодальных архиереев Княжества (считалось также, что экзарх мог назначать еще двух членов Попечительства по своему усмотрению) [Там же, с. 148]. Подконтрольность Попечительства светским структурам Болгарии подчеркивалась также отчетной практикой экзарха непосредственно перед правительством Его Княжеского Высочества. Обозначенные отношения Святой Экзархии с правительством, включая ежегодную отчетность, регулировались специальным Уставом («Правильником») [Там же], разработанным министром Н. Стойчевым и одобренным князем Александром I Кобургским 13 января 1882 г.⁵ Обозначенное обстоятельство было не единственным примером взаимодействия светского и духовного начал в болгарском ирредентизме. После подписания Берлинского трактата европейскими державами болгары с целью оказания помощи своим братьям во Фракии и Македонии, оказавшимся отделенными от Придунайской Болгарии, образовали народный благотворительный комитет «Единство», учредительная сессия которого состоялась в Тырново в августе 1878 г. Руководителями по делам комитета были избраны представители наивлиятельнейших кругов болгарской интеллигенции: С. Антонов (председатель), Ц. Гинчев (заместитель председателя), Н. Икономов (кассир), П. Димов (бухгалтер), С. Стамболов, Д. Иванов и Н. Лазаров (секретари). Должность почетного председателя занял архимандрит Стефан [15]. Важно

¹ Данным эпитетом («естественный») болгарский министр, очевидно, стремится противопоставить национальный патриотизм болгар псевдозаботе австрийской пропаганды, преследовавшей корыстные цели сугубого геополитического расширения.

² Лат. – орудие власти.

³ Экзархийское право – финансовые потребности Болгарской православной церкви на учебно-просветительскую деятельность во Фракии и Македонии.

⁴ Действия экзарха согласовывались с членами Попечительства.

⁵ Деятельность же самой Церкви в пределах македоно-одринских вилайетов с болгарским населением регулировалась Экзархийским уставом Княжества (1885 г.).

заметить, что на учредительном документе комитета подпись почетного председателя (архимандрита Стефана) стояла над всеми остальными, хотя главным руководителем, согласно Уставу комитета, безусловно, признавался председатель, которому надлежало «созывать, открывать и закрывать заседания комитета, поддерживать порядок и тишину». Особым образом оговаривалось, что «в случае разногласий председатель имел два голоса» (статья 24). Почетный же председатель мог принимать посильное участие в делах комитета, но «обязательно должен был присутствовать на его чрезвычайных сессиях» (статья 23) [14, с. 107]. Как показывают документы, на деле болгарское духовенство стремилось принимать самое активное и деятельное участие в работе комитета «Единство», который по мере своего укрепления расширялся в составе, образовывал новые отделения в других городах, устанавливал связи со схожими по направлению деятельности организациями. Следует заметить, что впервые проблема создания и расширения дополнительной сети подобных учреждений была поставлена еще на учредительной сессии (конец августа 1878 г.), однако уже месяц спустя, на рядовом заседании октябрьской сессии комитета (1 октября 1878 г.), на которой среди 50 лиц наивлиятельнейшей интеллигенции присутствовал и архимандрит Стефан, подводились итоги промежуточных результатов деятельности комитета «Единство» по координации действий с другими патриотическими организациями: «Женским содружеством» в Севлиево, «Обществом Ю. Наумова» в Берковице и др. Особенное внимание на октябрьском заседании было уделено ситуации в Плевне, где благодаря стараниям и заботам архимандрита Константина образовалось сразу несколько патриотических комитетов, причем не только в самом городе, но и его окрестностях, а также софийскому центру, организованному вначале в форме благотворительного содружества, а затем преобразованному в комитет с отделением так называемого «настоятельства» под председательством митрополита Мелетия [12].

Высокая динамика деятельности болгарских патриотических обществ, в рамках которых наблюдалось взаимодействие светской интеллигенции с духовным сословием, во многом объяснялась общим настроением болгар, отчаянно отстаивавших идею Великой Сан-Стефанской Болгарии. После Берлинского конгресса события в этом отношении развивались в направлении Кресненско-Разложского восстания, вспыхнувшего среди болгар в Пиринской Македонии в октябре 1878 г. и подавленного только к лету 1879 г. В условиях революционного движения патриотические комитеты продолжали апеллировать к церкви, рассчитывая на ее помощь. В данном отношении весьма показательным является письмо-обращение от 22 октября 1878 г. Тырновского комитета «Единство» в лице его председателя С. Антонова к митрополиту Панарету. Называя Македонию «колыбелью славянства», С. Антонов в прямом смысле слова умолял священника о содействии вооруженному восстанию, которое виделось ему единственным путем спасения национального болгарского единства, стоившего такой непримиримой борьбы, какая имела место в истории итальянцев. Непосредственно под содействием С. Антонов понимал, прежде всего, деятельность по расширению патриотических комитетов, подобных тем, которые возникли при посредстве тырновского комитета «Единство» или одновременно с ним в Видине, Софии, Русе, Враце, Плевне, Берковице и других городах. Речь шла также и о необходимой помощи восстанию оружием, военными припасами, одеждой и деньгами. Свое письмо С. Антонов закончил христианской пословицей: «Работай и Бог тебе поможет!», – искренне надеясь на горячий отклик пастыря [10]. Следует отметить, что обозначенная идея занимала далеко не всех одинаково: так, например, в самой Софии имелось немало мирян, проявивших хладнокровность к деятельности патриотических комитетов и всему, что было с ними связано [12]. Совершенно же иным было отношение к обозначенному предмету среди духовенства, и причем не только софийского (если речь идет о Княжестве), которое являло собой в болгарском ирредентизме ту силу, через которую гораздо быстрее можно было достучаться до холодных сердец, поскольку под эгидой духовенства патриотическая борьба обретала еще и священный характер. Актуализация церковного института болгар в Кресненско-Разложском восстании определялась и самим характером движения, в котором, по сообщению французского генерального консула в Софии А. Шефера, отчетливо проявил себя конфликт мусульман с христианами. Причем для самих болгар состояние конфликта оценивалось настолько опасным, что французская сторона предлагала даже «оккупировать македонские провинции силами какой-либо нейтральной державы с целью сохранения жизни христиан» [11, с. 117].

Главным радетелем облегчения тяжб македонских болгар-христиан выступала Экзархийская церковь, во многом опиравшаяся на правительство, которое, в свою очередь, связывая с церковью воплощение своих политических надежд, видело союзника в духовенстве. Общим предметом для государственно-церковного взаимодействия выступила и так называемая проблема утверждения экзархийского ведомства в пределах Македонии и Одринской Фракии в конце XIX в., связанная с получением бератов – особых грамот султана, подтверждающих возможность экзарха направить болгарских священников в турецкие вилайеты. Правительству и Экзархийской церкви в череде бесконечных обращений к османам пришлось потратить около 20 лет, прежде чем султан издал первые бераты от 1890 г., разрешавшие церковно-просветительскую деятельность болгарских владык в Охриде и Скопье [7, с. 156]. Последний бerat экзарх Иосиф I получил в конце 1897 г. [8], добившись от Порты назначения священников в Битольскую, Дебрскую и Струмицкую епархии. Оценивая процесс утверждения экзархийского ведомства во Фракии и Македонии в контексте государственно-церковных отношений в Болгарии, важно обратить внимание на то, что за два года до получения последнего берата, в 1895 г., правительство расширило свои методы в поле ирредентизма, создав Внешний македоно-одринский (адрианопольский) комитет (ВМОК), занимавшийся формированием военных чет и отправкой их в Македонию. Важно заметить, что правительство не просто переориентировалось в своих предпочтениях в механизме ирредентизма, оно пыталось сочетать военно-революционный метод с христианско-идеологическим. Подобная

окраска политики болгарского ирредентизма была характерна вплоть до начала Балканских войн (1912-1913 гг.), хотя следует отметить, что духовенство со своей стороны всегда отрицало не только возможность, но и самую необходимость революционного воздействия на македоно-фракийский регион.

Таковы основные дефиниционные параметры политики болгарского ирредентизма, являющего собой сложное историко-политическое и социокультурное явление, направленное на реализацию идеи Сан-Стефанской Болгарии и характеризующееся глубокой государственно-церковной синергией, обусловленной рядом как внешне-, так и внутривнутриполитических факторов.

Список литературы

1. **Бондарева В. В.** Болгары и сербский национализм в македонском вопросе (последняя четверть XIX в.) // Славянский мир, Запад, Восток: памяти профессора Д. Г. Песчаного. Краснодар, 2008. С. 50-55.
2. **Бондарева В. В.** К вопросу о греко-болгарских церковных противоречиях в последней четверти XIX в. // Вестник Московского государственного открытого университета. М., 2005. № 1. С. 33-43.
3. **Бондарева В. В.** О политических задачах Болгарского Экзархата во Фракии и Македонии в последней четверти XIX века // Синергетика образования. 2008. № 12. С. 275-285.
4. **Бондарева В. В.** О природе национализма балканских славян в последней четверти XIX – начале XX в. (к постановке проблемы) // Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего. Краснодар, 2011. С. 21-28.
5. **Бондарева В. В.** Церковно-просветительская деятельность Болгарского Экзархата во Фракии и Македонии в последней четверти XIX в. (1878-1900 гг.) // Грани. Краснодар, 2006. С. 157-162.
6. **Доклад от министра на външните работи и изповеданията К. Стойлов до княз Александър I за гледището на правителството по националния въпрос и за ролята на Екзархията** // История на българите 1878-1944 гг. в документи. София, 1996. Т. I. Част втора. Българите в Македония, Тракия и Добруджа. С. 145-151.
7. **Издаване на султански берати за български владци в Охрид и Скопие през 1890 г.** // История на българите 1878-1944 гг. в документи. София, 1996. Т. I. Част втора. Българите в Македония, Тракия и Добруджа. С. 156-157.
8. **Издаване на султански берати и назначаване на български владци в Битоля, Дебър и Струмица през 1897 г.** // История на българите 1878-1944 гг. в документи. София, 1996. Т. I. Част втора. Българите в Македония, Тракия и Добруджа. С. 158.
9. **Иречек К. И.** История болгар. Одесса, 1878. 793 с.
10. **Обръщение на комитета «Единство» в Търново до митрополит Панарет за подкрепа на въстанието (22 октомври 1878 г.)** // История на българите 1878-1944 гг. в документи. София, 1996. Т. I. Част втора. Българите в Македония, Тракия и Добруджа. С. 111-112.
11. **Положението в Македония по време на Кресненско-Разложкото въстание според доклад на френския генерал-консул в София Шефер (София, 3 януари 1879 г.)** // История на българите 1878-1944 гг. в документи. София, 1996. Т. I. Част втора. Българите в Македония, Тракия и Добруджа. С. 116-117.
12. **Протокол № 15 от заседание на комитета «Единство» в Търново (1 октомври 1878 г.)** // История на българите 1878-1944 гг. в документи. София, 1996. Т. I. Част втора. Българите в Македония, Тракия и Добруджа. С. 108.
13. **Стоянова В.** Българската православна църква и българският национален въпрос (1919-1939) // Модерният историк. София, 1999. С. 134-146.
14. **Устав на българския благотворителен комитет «Единство» (Търново, 3 септември 1878 г.)** // История на българите 1878-1944 гг. в документи. София, 1996. Т. I. Част втора. Българите в Македония, Тракия и Добруджа. С. 106-107.
15. **Учредителен протокол на народния комитет «Единство» в Търново (29 август 1878 г.)** // История на българите 1878-1944 гг. в документи. София, 1996. Т. I. Част втора. Българите в Македония, Тракия и Добруджа. С. 105.

IRREDENTISM POLICY IN HISTORICAL PRACTICE OF PRINCIPALITY OF BULGARIA IN THE LAST QUARTER OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Bondareva Viktoriya Viktorovna, Ph. D. in History
Kuban State Technological University
tsigrini@mail.ru

The article is devoted to the study of the problem of the Bulgarian irredentism in the last quarter of the XIX – at the beginning of the XX century considered from the perspective of state – Church synergy. The paper reveals the historical essence of the Bulgarian national question, and analyzes its role and place in the Bulgarian national policy. In the process of the research analysis the author reveals the structure, forms and mechanisms of the Bulgarian irredentism and creates its definitional order.

Key words and phrases: irredentism; the Bulgarian national question; Principality of Bulgaria; the Bulgarian Exarchate; the Bulgarian clergy; idea of Great San Stefano Bulgaria; Kresnensk-Razlog uprising.